

Российский институт стратегических исследований

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ РИСИ

Русофобия

О. Б. Неменский

Выпуск 5
2014

УДК 323.12

ББК 66.1

Н 50

Неменский О. Б.

Н 50

Русофобия : Аналит. обзоры РИСИ / О. Б. Неменский ; под ред. д-ра социол. наук И. А. Романова ; Рос. ин-т стратег. исслед. – М. : РИСИ, 2014. – Вып. 5. – 48 с.

ISBN 978-5-7893-0209-5

Обзор содержит краткий очерк истории формирования негативно-го восприятия России и русских на Западе. Русофобия рассматривается не просто как устоявшаяся характеристика этого отношения, но как целостная идеология, имеющая свой особый генезис и развитие, идейную структуру, определённый и постоянный набор мифологем. Показано, как эта идеология, сложившаяся ещё в конце XVI в., в своих основах остаётся неизменной до наших дней. Особое внимание уделяется феномену русской русофобии, которая представляется результатом частичного восприятия представителями русской культурной среды системы образов западной культуры и её идеологий.

УДК 323.12

ББК 66.1

ISBN 978-5-7893-0209-5

© Российский институт
стратегических исследований, 2014

РУСОФОБИЯ

Русофобию можно рассматривать не просто как проявление негативных чувств в отношении России и русских, но и как довольно цельную идеологию, т.е. особый комплекс идей и концепций, имеющий свою структуру, свою систему понятий и свою историю, а также свои типичные проявления.

Русофобия – это западная по происхождению идеология, утверждающая злую природу русского народа, который наделяется некими уникальными свойствами, обуславливающими его тягу ко всему низменному. Русские представляются неспособными ко всему тому, что у других народов составляет человеческое достоинство, и это объясняется генетически и культурно-исторически. Логика русофобии основана на противопоставлении русского и европейского как дурного и хорошего. В связи с этими свойствами русские как народ видятся принципиально враждебными Западу, а Россия – как сущностно иная, чуждая цивилизация. Она предстаёт экзистенциальным врагом Запада и всего, что осознаётся в западной культуре как специфически "западное", – свободы, демократии, прав человека и т.п. Из этого делаются выводы о необходимости борьбы с Россией и уничтожения всего того, что составляет русскость, – физического или культурного, в зависимости от конкретных трактовок.

Формирование русофобской идеологии

Восприятие русского народа представителями западных культур с самых ранних времён было предвзятым:

Русь приняла христианство из Константинополя и имела определённое географическое положение, что предопределяло перенос на неё некоторых устоявшихся характеристик. Это в первую очередь христианский Восток, византийская ойкумена, а далёкая северная часть Руси – территория, по всем древним описаниям заселённая малоизвестными варварскими племенами.

История формирования западной идентичности и стереотипного восприятия греческого Востока берёт своё начало ещё в античной эпохе. Первую масштабную пропагандистскую кампанию по дискредитации восточной (греческой) части Римской империи предпринял Октавиан Август в период своей борьбы с Марком Антонием¹. Октавиан Август основывал её на утверждении своего имиджа как твёрдого приверженца республиканских традиций. Скорее всего, именно тогда впервые были сформулированы основные идеологемы противопоставления "Запада" и "Востока" как противоположных и даже враждебных традиций и донесена до широких слоёв гражданского населения западной части Империи модель позитивной "западной" идентичности. Это самосознание изначально было задано в форме противопоставления всему "восточному" как принципиально иному, противоположному. История европейского христианства утвердила имидж греческого мира как неправильного, неверного, схизматического, а потому погрязшего в пороках и заслужившего свои беды. Православие легко сочеталось

---

¹ Подробнее об этом см.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о "золотом веке" в Древнем Риме / Ю. Г. Чернышов. Новосибирск, 1994. Ч. 1. С. 125–133; Межеричцкий Я. Ю. "Республиканская монархия": метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я. Ю. Межеричцкий. М. ; Калуга, 1994. С. 113–168.

в едином образе с исламом, в котором поначалу пытались видеть христианскую секту. Церковный раскол между европейскими Востоком и Западом имел долгую историю, в которой анафемы 1054 г. можно рассматривать как завершающую стадию, лишь оформившую многовековой процесс. Более значимыми для него были VIII и IX вв. – время от создания Империи Карла Великого до Константинопольского патриарха Фотия.

Именно каролингская эпоха вновь возродила и сделала актуальными западное самосознание, старые концепты "orientalis" и "occidentalis". Культурная значимость такого разделения мира очень заметна по ранним польским описаниям Руси. Как отмечал краковский епископ Матвей в письме к Бернарду Клервосскому² (середина XII в.), "Ruthenia quae quasi est alter orbis" ("Русь – это как бы другой мир"). При этом надо понимать, что в то время общества были ещё слабо христианизированы и имели общую славянскую культуру. Однако для человека латинской книжности различия между Русью и Польшей казались пропастью.

С эпохой Возрождения становилось всё более значимым и старое противопоставление "римлян" и "варваров" – народы византийской культуры как принципиально неримские теперь оказывались "варварскими". Весь этот комплекс идей и характеристик применялся к русским землям, и для этого не требовалось личного знакомства, опыта контактов и описаний путешественников. Эти понятия исходят из специфичных для Запада

---

² Французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, цистерцианский монах, аббат монастыря Клерво (с 1117 г.), организатор и идеолог Крестового похода против славян, развернувшегося на фоне Второго крестового похода. – *Прим. ред.*

форм идентичности и моделей восприятия иных народов. И, разумеется, от русских никак не зависело то, что им как "варварскому" народу "Востока" приписывали и все те качества и характеристики, которые в европейской культуре воспринимались негативно. "Неправильный" мир должен быть плох по определению.

Как принято утверждать в научной литературе, европейское "открытие" России произошло в конце XV – начале XVI в. Это не столько отражает сам процесс узнавания (всё же определённые знания о русских землях при всём недостатке связей имелись на Западе и в предыдущие 500 лет), сколько характеризует понимание самим Западом активизацию связей с Восточной Русью. Эпоха великих географических открытий породила колониальный тип понимания контактов с незападными народами. Собственное варварское прошлое большинства европейских народов обусловило раннее появление стадийно-исторического мышления: другие по культуре народы попросту стали восприниматься как недоразвитые, задержавшиеся на том этапе истории, который западными народами уже пройден.

Примерно то же произошло и с восприятием России: весь XVI в. Запад большими усилиями стремился склонить московские светские и церковные власти к принятию унии. Катастрофический неуспех этих начинаний обусловил и утверждение образа России как экзистенциально чуждой и враждебной Западу страны, в отношении которой возможна только одна стратегия отношений – подчинить, чтобы обезопасить христианский мир. Впрочем, различие между этими двумя взглядами сохранилось и в будущем – взглядом, условно говоря, "оптимистичным", предполагавшим интеграцию России

в западное сообщество путём отказа от своих ошибочных и вредных традиций и заблуждений, и "пессимистичным", согласно которому Россия может быть только врагом, так как органически не способна воспринять западную культуру.

В контексте основной политической проблемы Европы – турецкой угрозы – первый подход означал ориентацию на союз с Россией против Турции. "Наиболее полное выражение эта тенденция нашла у Томмазо Кампанеллы и Жана Бодена, которые практически перестали различать духовное и политическое наполнение христианства. Так, Россия, по их мнению, на правах союзника в борьбе против турок должна быть включена в христианский мир невзирая на её конфессиональные особенности"³. Второй же подход скорее объединял Россию и Турцию в ранге "врагов христианства". Именно такой взгляд на Россию стал преобладающим по мере развития реформационных движений на Западе. Реформация подрывала концепцию единой христианской Европы и выдвигала на первый план проблему конфессиональных различий.

В середине XVI в. в Вене вышла книга, ставшая, можно сказать, классикой радикально негативного описания России, – "Записки о Московии" Сигизмунда Герберштейна (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549) – австрийского дипломата, писателя и историка. Это сочинение задавало идеальные "тип и форму повествования

---

³ Цит. по: *Горохов Б.* Россия глазами Европы. Триста лет смены ракурсов : реферат / Богдан Горохов ; Дитер Гро // Отечественные записки. 2007. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 6–28. Реф. кн.: *Гро Д.* Россия глазами Европы. Триста лет смены ракурсов. Франкфурт-на-Майне, 1988. (Dieter Groh "Russland und das Selbstverständnis Europas". Neuwied, 1961).

о России"⁴ на Западе. Во второй половине XVI в. оно переиздавалось 22 раза, т.е. в среднем раз в два года. Основные идеи этих "Записок" легли в основу западного восприятия России и, можно сказать, создали её образ в западной культуре.

С. Герберштейн был послом габсбургского двора, перед которым ставилась цель склонить Москву к участию в совместных антитурецких кампаниях, для чего требовалось также примирить её с Литвой. Однако оба посольства (1517 и 1526 гг.) не достигли успеха. В своих "Записках" С. Герберштейн попытался обосновать фактический провал своих миссий свойствами самого "московского" народа и невозможностью союзных отношений с ним. Он оспорил мнение о том, что Московия является частью Европы, предложив относить её к Азии: "Если провести прямую линию от устья Танаиса к его истокам, то окажется, что Москва расположена в Азии, а не в Европе"⁵. Статус "азиатов" объединял "москвитов" с турками в едином образе врагов Европы. Такой подход не оставлял аргументов для сторонников "оптимистического" взгляда на Россию. Если "оптимисты" видели в ней открытое колониционное пространство, заселённое наивными варварами, которые только и ждут европейского просвещения, то теперь Россия представляла природным врагом христианского мира. Она уже виделась преемницей татар, наследницей Тартарии, которую недавно сама же победила.

---

⁴ Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его "Записки о Московии" // Записки о Московии / С. Герберштейн. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 45.

⁵ Герберштейн С. Записки о Московии / Сигизмунд Герберштейн. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 138.

Статус врага подразумевал и наделение его всеми теми характеристиками, которые в самой западной культуре того времени осознавались в радикально негативном ключе. Московиты, по Герберштейну, склонны к убийствам, насилиям, грабежам и прочим преступным действиям. При этом русские очень любят пьянство и "венерины утехи". Кроме того, они живут в условиях жестокого рабства и добровольно принимают это состояние: "Все они называют себя холопами, т.е. рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе"⁶.

И всё же одной этой книги было мало, чтобы утвердить яркий негативный образ страны, с которой Европа соседствовала и на участие которой в антитурецких коалициях продолжали рассчитывать. Для этого европейской культуре требовалось масштабное событие – прямое и продолжительное военное столкновение. Таковым стала Ливонская война (1558–1583 гг.) – фактически первое масштабное противоборство России и Запада. Война с Ливонией и Великим княжеством Литовским переросла в войну с Польшей, Швецией и Данией. Однако именно польская шляхта сыграла большую роль в её информационном обеспечении и идеологическом обосновании на Западе.

Польша как территориально самая близкая к России католическая страна исторически была основным источником информации о русских для Западной Европы. Кроме того, с XIV в. Польша стала проводить активную наступательную политику на русских землях. В середине – второй половине XIV в. польский король Казимир III

---

⁶ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 112.

Великий смог завоевать Червоную Русь (с центром во Львове), положив начало польской политике покорения Руси. Кревская уния 1385 г. с Литвой, которая тогда владела почти всей Западной Русью, но признала её раздел с Краковом, склонила литовскую верхушку к принятию католицизма и политически связала два государства узами личной унии. Польские историки XV–XVI вв. создали целостную концепцию, согласно которой Русь издавна (ещё с походов на Киев в XI в. королей Болеслава I Храброго и Болеслава II) по праву и на веки вечные принадлежит Польше. Виднейший польский историк Я. Длugoш (1415–1480) описал в своих "Анналах" "покорение и завоевание Руси", "присоединение" её к Польше в XI в., состояние которой отныне является "рабским".

В результате неудачных для Литвы военных действий в ходе Ливонской войны Польша осуществила новое наступление на русские земли. В один год (1569 г.) она аннексировала все южнорусские земли Великого княжества, а также его западные территории (Подляшье), после чего заставила поставленное на колени княжество заключить Люблинскую унию, по которой Польша и Литва объединялись в единое государство – Речь Посполитую. Фактически вся Западная Русь оказалась под польским управлением, на её территориях разворачивался процесс активной полонизации местной знати. И уже вскоре – в начале XVII в. – поляки появляются в московском Кремле.

Польское подчинение Руси деятельно направляется Римом, Католической церковью. После фактического провала прежней стратегии католического проникновения в Восточную Европу через деятельность прибалтийских орденов и Швеции, особенно после Грюнвальдской

битвы 1410 г., главной военной и политической силой католической экспансии становится именно Польша. К середине XVI в. она уже располагала полноценной идеологией покорения Руси и уничтожения "схизмы", т.е. восточного христианства. Долго подготавливавшаяся Брестская церковная уния 1597 г. ликвидировала легальное православие на Западной Руси. А покорение Москвы сразу же шло под лозунгом утверждения униатства. Прежние планы по склонению царя к совместным действиям против Турции постепенно стали неактуальны. Зато идея завоевания Московского государства и истребления тамошних порядков ещё во второй половине XVI в. приобрела общеевропейский характер (например, в 1578 г. вышло сочинение "План превращения Московии в имперскую провинцию" Генриха Штадена).

Именно годы Ливонской войны стали временем активного "открытия" Западом Московской Руси и утверждения основных форм её западного образа. Развитие печатного дела позволяло издавать многочисленные сочинения о Московии, её быте и нравах большими тиражами, которые распространялись по всему Западу. Это была сильнейшая пропагандистская кампания, направлявшаяся Польшей и Католической церковью, которой Россия ничего не могла тогда противопоставить. Впрочем, подготовка к ней началась ещё в начале века, когда молодое Великое княжество Московское впервые заявило о себе как о заметной военной и политической силе, претендующей на собиранье русских земель. По поручению короля Сигизмунда Ян Лаский, архиепископ Гнезненский, в 1514 г. сделал на Латеранском соборе доклад о "рутенах". В его описании русские на деле были вовсе не

христианами, а варварским полуязыческим народом, проявляющим крайнюю враждебность к католикам⁷.

Массовое появление брошюр "разоблачительного", т.е. откровенно диффамационного, характера о русском народе и его обычаях, Московском государстве и его правителях превратило "Московию" в сознании западных обществ в "анти-Европу", страшную и очень опасную страну, соединяющую в себе все известные пороки человеческого рода. Важнейшее место занял чёрный миф об Иване Грозном. Этот "кровожадный тиран", жестокость которого якобы превосходила все мыслимые пределы, стал на Западе символом России и своего рода образцом правителя своей страны. Он сочетал в себе символизацию дурной жестокой власти и покорного рабства подданных. Когда в 1633 г. в книге Эдо Нойхуза писалось о русских, что "это племя рождено в рабстве, привыкло к ярму и не переносит свободы"⁸, – такая формулировка была уже банальной и почти никем не подвергалась сомнению. Образ России и русского народа к тому времени был уже создан и закреплён в западном культурном сознании.

В XVI в. все русские земли получили в польской культуре наименование "Восток" ("Wschód"). "Восток" для поляков – понятие по сей день применимое только к России и нынешнему постсоветскому пространству.

---

⁷ Лаский Я. О племенах рутенов и их заблуждениях / Ян Лаский // Акты исторические, относящиеся до России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб. : Тип. Праца, 1841. Т. 1 : Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 год. С. 126–127)

⁸ *Neuhusius E. Theatrum ingenii humani, sive De cognoscenda hominum indole et secretis animi moribus / Edo Neuhusius. Amstelodami, 1633. Liber I. P. 242–243.*

Для обозначения исламских или дальневосточных стран требуется добавление вроде "Ближнего Востока" или "Дальнего Востока". Само понятие "Восток" – важнейшее в общем для всей западноевропейской культуры. Актуализация его в Польше в XVI в. была вполне закономерным проявлением процессов, охвативших весь Запад. Поздний Ренессанс структурировал европейский "ориенталистский дискурс", т.е. "стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении "Востока" и (почти всегда) "Запада"⁹. Постренессансное понятие "Востока" было во многом схожим с его презентациями в эпоху Октавиана Августа, но стало гораздо более глубоким и сложным. Это уже не просто иное, требующее самозащиты. Теперь "Восток" ("Orient") – это сфера постижения принципиально низшего, окультуривания неправильного, другого, что уже тогда становилось основой формирования европейской колониальной идеологии.

Этот общеевропейский концепт характеризовался общим стабильным списком эпитетов и характеристик (дикость, деспотизм, отсталость, грубость, жестокость, чувственность, пассивная тяга к подчинению и т.п.). "Восток" – понятие в данном случае не географическое, а культурное, основанное на "неискоренимом различии западного превосходства и восточной неполноценности"¹⁰. Образ Востока не столько был результатом реального изучения иных культур, сколько оказывался европейским самообразом в негативе: он являл собой сумму всего того, что воспринималось как дурное, и оттенял позитивный самообраз "Запада". Изобретение "Востока" и было

---

⁹ Саид Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Русский Мир, 2006. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 66.

изобретением собственно "Запада" как особой цивилизационной идентичности. На Западе свою цивилизационную миссию видели в овладении Востоком, в его исправлении. Как пишет польская исследовательница М. Янион: "Визуализация Востока ("они") осуществляется в целях самоидентификации Запада ("мы")... Противопоставление Запада и Востока разделяет качества следующим образом: Запад есть логичный, нормальный, эмпиричный, культурный, рациональный, реалистичный. Восток же – косный, выродившийся, некультурный, отсталый, нелогичный, деспотичный, не участвующий творчески в мировом прогрессе"¹¹. Носитель всех этих черт для польской культуры – Россия.

К XVII в. поляки резко отделили Россию от Европы в многочисленных публицистических и исторических сочинениях, защищая идею её азиатскости, т.е. ориентальности. Интересно, что прежде на картах Европы Московское княжество обыкновенно обозначалось как одна из европейских стран, но с конца XVI в. появилась граница Европы по восточным пределам Речи Посполитой – далее шла Азия, совокупная Тартария¹².

В пропагандистской литературе начала XVII в. в пользу завоевания Москвы уже выступал аргумент справедливой кары, которую Бог несёт через поляков схизматикам-москвитам.

¹¹ *Janion M. Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury / Maria Janion. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2007. S. 223–224.*

¹² Подробнее о польской ориентализации России и мессианской идеологии см.: *Неменский О. Б. Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления / О. Б. Неменский // Звенья. 2011. № 1 (14) : Россия – Польша: перезагрузка? 2011. С. 11–38.*

Так, к началу XVII в. была разработана польская колониально-аннексионная идеология в отношении Московского государства. П. Пальчовский в своих сочинениях проводит параллель между москвитами и индейцами в Америке: как испанские конкистадоры подчиняют себе эти варварские народы, так и поляки на Востоке подчиняют себе русских. Русские – это и есть индейцы Востока для "польских идальго"¹³. Эту аналогию потом ещё не раз повторяли, и она вошла в жизнь¹⁴. Такова была и важная шляхетская добродетель – "расширение отчизны". Цивилизационная миссия польской шляхты по отношению к русским оборачивалась радикальной программой их порабощения "народом господ" ("naród panów"). Особенно ярко такое отношение описывал С. Немоевский в своих записках о московской войне 1606–1608 гг.¹⁵, в которых "москвиты" называются "народом, вероятно, самым низким на свете". Россия виделась пространством для освоения и подчинения, а русская культура – недостойной существования.

¹³ *Palczowski P. Kolęda moskiewska (1609) / Paweł Palczowski ; oprac. G. Franczak. Warszawa : Neriton, 2010. S. 108.*

¹⁴ Например, её же можно найти у Яна Щасного Хербута в книге "Zdaniu o narodzie Ruskim", 1611 г. (по изд.: *Коялович М. О. Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше / М. О. Коялович. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1865. 862 с.*)

¹⁵ *Nemiejewski St. Diariusz drogi spisanej i różnych przypadków pociesznych i żałosnych prowadząc córkę Jerzego Mniszka, Marynę, Dymitrowi Iwanowiczowi w roku 1606 / Stanisław Niemiejewski ; wydał Roman Krzywy. Warszawa : Wyd. nakł. wyd. polonistyki Uniw. Warszawskiego, 2006. 394 s. (см. недавнее российское издание перевода: *Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань : Александрия, 2007. 493 с.*)*

В течение XVI в. сложился специфически европейский метанарратив о России. Утвердилась единая система понятий, знаков, символов, метафор и определений, через которые стало принято описывать Россию и что-либо русское. Цельная система легитимации знаний, норм мышления, которая имела радикально негативное оценочное содержание. Собственно, задаваемые ею стандарты описания уже можно обозначать термином "руссофобия", если рассматривать её не просто как комплекс чувств, но как лежащую в его основе и выраженную на уровне языка систему взглядов. Систему, сложившуюся столетия назад, но почти в неизменном виде существующую в западной культуре до сих пор.

Руссофобский миф

Руссофобский образ состоит из ряда идеологем, которые стабильно воспроизводятся из века в век. Вот примеры: "Русские – это народ, неспособный к самоуправлению и потому тяготеющий к рабскому состоянию"; "Форма правления в России – всегда тирания, подразумевающая абсолютную власть правителя и слепое ему подчинение"; "Рабство и тирания – два взаимно обусловленных качества, составляющие основу восприятия России и русских. Со стороны народа – это несправие, вечное унижение, покорность. Со стороны власти – авторитаризм, насилие, жестокость".

На основе этих характеристик строились целые исторические концепции. Такова, например, классическая норманнская теория немецких историков XVIII в. об образовании русской государственности. Или же запущенная А. де Кюстином концепция России как "тюрьмы

народов" – в ней утверждается, что склонность к слепому подчинению имеют только русские, при этом в России живёт немало других народов, которым такая власть не органична. Всё, что является специфически русским, видится как проявление враждебного свободе начала. А это не только деспотическая власть, но и, например, Русская церковь и вообще русское православие как "религия рабов". Сама русская идентичность представляется природно рабской, а потому подлежит изживанию.

Примечательно, что антитеза "западная свобода" vs "русское рабство" воспроизводится в разные периоды истории на основе всё новых понятий, которые сменяют друг друга в своей актуальности. При образовании национальных государств и их противостоянии империям русские представлялись носителями имперского начала в противовес "свободному" национальному, а теперь, при неолиберальном противопоставлении глобализма и национального суверенитета, русские оказываются носителями именно национального начала. Так, известный русофобский "мыслитель" из Франции А. Глюксман видит в наше время столкновение "двух культур: европейской культуры свободы и другой культуры – культуры абсолютного национального суверенитета"¹⁶, выражаемого Россией.

Такие яркие свойства русских требуют своего объяснения. Почему все народы с точки зрения Запада более-менее нормальны и только русские столь выделяют-ся своими пороками? В попытках объяснить этот образ

---

¹⁶ Андре Глюксман: "И всё-таки на этот раз Европа смогла противостоять Путину" ("Corriere Della Sera", Италия) / пер. Ольга Каменева // ИноСМИ : интернет-сайт. 2008. 16 сентября. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20080916/244044.html> (дата обращения: 01.06.2014).

наблюдаются две основные стратегии аргументации – историческая и генетическая.

Согласно первой русская "культура тирании и рабства" обусловлена сочетанием основных своих источников – это византийское православие и татарский деспотизм. Для этой стратегии характерно утверждение, что Россия является наследницей Орды: её победа над татаро-монгольским игом была обусловлена перенятием основных свойств этого дикого кочевнического образования, перерастанием изнутри и последующим занятием её места. Россия как Орда стала типичным русофобским штампом и исторических сочинений, и публицистики. Например, польский поэт эпохи романтизма З. Красинский писал: "В москальской истории пассивная мать – византийский консерватизм, отец, оплодотворяющий лоно, – татарское иго, а сын, от них рождённый, возраставший и выросший великаном, – правительство московское. Противоречащие друг другу черты родителей он сопряг и слил воедино в чудовищную гармонию". Правда, в этом видится не только источник опасности, но и залог слабости.

Однако исторические причины выдвигаются гораздо реже, чем утверждения особой генетической ущербности русских. Русские терпят тиранию, потому что якобы расположены к ней по самой своей природе. С этой точки зрения русские видятся уже не как отсталый народ, но как органически неполноценный, по природе своей не способный к восприятию "западных ценностей". "Русские генетически предрасположены к некомпетентной и авторитарной власти", – как написал английский журналист

Р. Лиддл¹⁷. Немало есть публицистов, сопрягающих оба этих подхода и заявляющих, что русская генетика испорчена самой историей, историческим опытом народа – крепостным правом, войнами, репрессиями, революциями и т.п. Практические результаты такого восприятия были отнюдь не только в годы Второй мировой войны, их можно наблюдать и по сей день. К примеру, линия защиты американских адвокатов, специализирующихся на случаях гибели приёмных русских детей, нередко основывается именно на аргументах об особых русских генетических склонностях. А зачастую можно встретиться и с заявлениями открыто расистскими.

Расовая русофобия в трудах романо-германских идеологов традиционно исходила из констатаций расовой неполноценности славян вообще, однако есть и интеллектуальная традиция, утверждающая особую генетику именно русского народа. Такой подход был разработан польской мыслью в XIX в. (поначалу – Иоахимом Лелевелем, а в форме завершённой расовой теории – Франтишеком Духинским), а потом воспринят и на Западе. Ведь само по себе восприятие русских как славян противоречило их азиатскому "статусу". Русские были объявлены не славянами, а потомками ассимиляции финно-угров, монголов, тюркских народов и славян, т.е. "грязнокровками", что по расистским понятиям оценивается как гораздо худшее состояние, чем принадлежность к самым низшим расам. На основе этой логики стали звучать заявления и о том, что русских нельзя считать людьми. "Русский является этнической аномалией, с которой трудно иметь дело", – писал Р. Киплинг. "Русские – это не народ в общепринятом

¹⁷ The Sunday Times. 2007. August 5.

смысле слова, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты. Это можно с полным основанием отнести как к гражданскому населению, так и к армии", – говорил Й. Геббельс в 1942 г. "Неправда, что все люди суть люди. Русские – не люди, это чуждые существа", – заявлял американский историк Р. Конквист. Лишение русских человеческого статуса – естественное продолжение логики противопоставления Запада и России как во всём друг другу противоположных. В конечном счёте если на Западе живут люди, то по этой логике в России должны жить нелюди. "Ziemia nieludzka" ("Бесчеловечная земля") – наименование России, утвердившееся в польской культуре XX в. и так часто употребляемое в современной публицистике, что не требует специальных пояснений.

Столь яркий образ "антиподов цивилизации", являясь частью западной культуры, стал и частью западного самосознания. Русофобия имеет обратный эффект: западная цивилизационная идентичность стала зависима от образа России. В некоторых случаях русофобия становится также частью национальной идентичности. "Манихейская" картина мира, особенно свойственная современной американской культуре, предполагает наличие, помимо образа абсолютного добра, воплощённого Америкой, образа абсолютного зла. Любое зло в мире воспринимается как следствие российского влияния. Она оказывается онтологическим источником зла ровно в той же мере, как США – источником и воплощением добра. И, соответственно, её образ призван ярче всего выражать то, с чем особенно борется американское общество. Например, мнение, что Соединённые Штаты являются страной, победившей расизм, сразу оборачивается утверждениями о расистском характере общества в России.

То же можно сказать и про польскую национальную идентичность, для которой негативный образ России приобрёл структурирующее значение ещё столетия назад. Можно говорить о наличии у поляков сильной психологической зависимости от русофобской информации. Как написал один польский автор: "Антироссийское воспитание, которому последние шестнадцать лет подвергаются поляки... принесло странный и неожиданный эффект: их психическая зависимость от России стала так глубока, как никогда раньше"¹⁸. Кроме того, русофобия является основой для чувства превосходства, а оно само по себе требует постоянного самоутверждения. Если есть "польские ценности", то утверждается либо наличие прямо противоположных им "русских ценностей", либо полное отсутствие в России ценностей как таковых.

Русофобия стала сущностной составляющей западной идентичности. Это прекрасно демонстрирует характер шуток о России в Америке. Вслед за известным юмористом Я. Смирновым большинство таких шуток построено по формуле "Если в Америке человек делает что-то с вещью, то в России вещь делает это с человеком". "В Америке вы водите машину, в Советской России машина водит вас" и т.д. Эти шутки стали столь популярны, потому что точно попали в идентитарную модель восприятия России как антимира: там всё наоборот. Все действия происходят наоборот, все отношения – прямо обратные. Такой юмор, с одной стороны, основан на ироническом отношении к американскому образу России, но с другой – он же его и утверждает.

---

¹⁸ Выводы ("Przeгляд", Польша) // ИноСМИ : интернет-сайт. 2005. 23 мая. URL: <http://inosmi.ru/world/20050523/219827.html> (дата обращения: 01.06.2014).

Таков в целом русский метанарратив западной культуры: *это большая страна, во всём обратная цивилизации, населённая рабским народом, нелюдьми, слепо подчиняющимся всевластным правителям, страна повсеместной жестокости и насилия, агрессивная в отношении всего остального мира, желающая его подчинить и уничтожить всё доброе на земле. Это Империя зла* – очень точная формулировка западного восприятия России.

Однако относительно будущего России есть старое расхождение во мнениях, не преодолённое по сей день. Россия – это просто самая тёмная часть нецивилизованного мира, закоренелая в своём невежестве и потому имеющая особые проблемы для приобщения к цивилизации; или же это абсолютная её противоположность, вечный враг, причём как для цивилизованного мира, так и для всего остального, ведь она препятствует его приобщению к цивилизации? В первом случае с ней надо работать в надежде на улучшение, во втором – всеми силами бороться с нею, ведь она слишком большая, чтобы быть уничтоженной, но её можно сделать слабой. То есть это различие между образом России, способной на сближение с Западом, и Россией как онтологического анти-Запада.

Это различие двух подходов я бы условно назвал "оптимистичной" русофобией и её "пессимистичной" вариацией. Оптимизм первой заключается в предположении, что европеизация русских возможна; пессимизм второй – в заключении, что русские неисправимы. Оба варианта вполне русофобны, но про разную политику. В качестве ярких примеров первого можно привести работы о России Вольтера или Дж. Рида. Для них есть Россия прежняя – абсолютно дикое царство рабства и жестокости, и Россия новая, которая благодаря Петру I или

В. Ленину пошла по спасительному пути цивилизации, на котором её ожидает невиданный успех. Даже предположения о её будущем господстве над Западом в этой логике основаны на надежде на окончательную победу цивилизации над варварством и торжество западных ценностей – ведь полное торжество Запада возможно только тогда, когда его частью станет Россия. Однако образ России и русских такой подход никак не меняет, он полностью выдержан в описанной выше системе образов. Примеров второго типа – "пессимистичной" русофобии – гораздо больше, и книги С. Герберштейна или А. де Кюстина здесь являются классикой. Наш современник А. Безансон пишет: "Есть всего один разумный путь, по которому русским следует идти... – европеизироваться, реформироваться на западный лад. Однако цель эта кажется почти недостижимой... всего богатства мира не хватит на то, чтобы преобразовать Россию"¹⁹.

Основные проявления русофобии – проекция на русских всех отрицательных человеческих черт, стремление навязать русским чувство вины за историческое наследие России, дискриминационные практики на основе отказа русским в равноправии по национальному или языковому критерию и т.п. – в конечном счёте сводятся к запрету России и русским в праве на существование. Причём этот запрет ещё более свойственен "оптимистичной" версии русофобии, чем её "пессимистичному" варианту: ведь именно оптимистичный подход предполагает возможность (и потому необходимость) окончательной

---

¹⁹ Безансон А. Россия – европейская страна? Спор с Мартином Малиа / А. Безансон // Отечественные записки : интернет-сайт. 2004. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/rossiya-evropeyskaya-strana> (дата обращения: 01.06.2014).

победы западной цивилизации над русской. Второй тип русофобии предполагает скорее политику максимального сдерживания русских либо радикальный вариант – физического их уничтожения, что всё же предлагается гораздо реже. Прекрасной иллюстрацией такого крайнего подхода является фотография военнослужащих вермахта периода Второй мировой войны со школьной доской, на которой написано "Русский должен умереть, чтобы мы жили"²⁰.

Независимо от предположений о возможности или невозможности "цивиловать" Россию, русофобия, так или иначе, сводится к желанию, чтобы России не стало, т.е. к полному отрицанию её как "лишней страны" – либо через физическое устранение русского народа, либо же через духовное, культурное, как минимум политическое уничтожение. Как очень точно сформулировал это П. Сквещинский, бывший директор Польского информационного агентства (РАР): "Невозможно представить себе такую Россию, на существование которой многие поляки великодушно дали бы своё согласие. Ну, разве что уменьшенная до размеров Великого княжества Московского XIV в. Вдобавок – Великого княжества Московского, которое так глобально и радикально отказалось бы от русского патриотизма, того, каким он всегда был и каков есть, что трудно было бы считать его национальным русским государством"²¹.

²⁰ "Der Russe muß sterben, damit wir leben". Фотография датирована 2 октября 1941 г., Брянская область.

²¹ Сквещинский П. Комплекс России ("Rzeczpospolita", Польша) / Пётр Сквещинский // ИноСМИ : интернет-сайт. 2008. 15 сентября. URL: <http://inosmi.ru/world/20080915/244028.html> (дата обращения: 01.06.2014).

Это отношение довольно старое и его можно считать общезападным. Вот что писал Ф. Тютчев 21 апреля 1854 г. об условиях начала Крымской войны: "России просто-напросто предложили самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественное признание, что она ничто иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления". Попытку спустя почти 90 лет реализовать немецкий план "Ост" можно признать лишь дальнейшим развитием направления мысли, своего рода квинтэссенцией западной русофобии, созревшей до открытой политики геноцида. "Говоря по-военному, мы должны убивать от трёх до четырёх миллионов русских в год"²², – указывал А. Гитлер А. Розенбергу.

Русофобская интенция к уничтожению русскости может сводиться и к теоретическому, историческому её отрицанию. Русских не существует, потому что "это не народ, а сброд", у них, например, нет единой генетики. Последнее время приобрело большую известность уверенное заявление телеведущей Тины Канделаки о том, что "русских больше нет". В данном случае мы имеем дело с тем же самым расовым подходом, согласно которому "здесь уже столько кровей понамешано, что русских никаких не осталось".

Украинство – русофобия в форме национальной идеологии

После неудавшихся восстаний 1831 и 1863 гг. польские интеллектуалы начали осуществлять целенаправленную работу по расколу русского народа. Центром

---

²² Из директивы А. Гитлера А. Розенбергу о введении в действие Генерального плана "Ост" 23 июля 1942 г.

притяжения польских деятелей, бежавших после поражения из России, был Львов – столица провинции Галиция, ставшей после разделов Речи Посполитой австрийской. Польский повстанческий генерал Л. Мерославский писал: "Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат её. Раздуем ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, и мы будем расти и крепнуть"²³.

Вряд ли можно сказать, что поляки создали украинство – у него были мощные корни в украинофильском движении первой половины XIX в., связанные более всего с настроениями малороссийского дворянства – с его попытками обосновать права на отнятую при Екатерине II сословную автономию и с особым казачьим романтизмом, вполне органичным для той эпохи. Но украинство (в отличие от украинофильства) во многом наследовало специфически польскую структуру мысли о Руси²⁴.

Огромную роль на формирование украинства оказал поляк Ф. Духинский, ещё в 50-е гг. XIX в. предложивший довольно оригинальную историческую концепцию. Это был человек действительно одержимый ненавистью к России – в этом плане его образ мыслей был специфически польским: Россия виделась извечным агрессором, нападавшим на русские земли Польши и потому виновным в её печальной судьбе. Но для обоснования того,

²³ Цит. по: *Щёголев С. Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма / С. Н. Щёголев. Киев : Тип. И. Н. Кушнеревъ и Ко, 1912. С. 50–51.

²⁴ См. об этом подробнее: *Неменский О. Б.* "Чтобы быть Руси без Руси". Украинство как национальный проект / О. Б. Неменский // Вопросы национализма: журнал научной и общественно-политической мысли. 2011. № 1 (5). С. 76–123.

что эти земли именно польские и по праву должны принадлежать Польше, он создал особую расовую теорию и с её помощью – своеобразную концепцию общей истории²⁵.

В первую очередь Ф. Духинский исходил из привычного для польской культуры представления, что вся Русь входила в состав Польши, а Московия к Руси исторически никакого отношения не имеет. В состав Руси, кстати, он включал не только Западную Русь, но и Литву и бывшие земли Великого Новгорода. "Органическое единство" поляков и "русских" историк доказывал на основании общего имени "полян" у племён, сыгравших центральную роль в формировании государств Польши и Киевской Руси – собственно, в них виделось одно и то же племя, а "русские" понимались как региональная вариация польского народа. Немало сил было им потрачено на обоснование того, что и по языку, и по религии русские с поляками представляют одну общность. Он воскрешал старую линию униатской историографии, доказывавшей, что Русская церковь (Киевская митрополия) всегда тянулась к единству с Римом и лишь изредка от него отпадала²⁶, и то – по вине Москвы.

²⁵ См. основные его работы: *Duchński F. H. Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy / Franciszek Henryk Duchński. Paryż : W druk. i lit. Renou i Maulde, 1858–1861; Idem. Treść lekcji historyi polskiej wykładanych w Paryżu. Paryż, 1860; Idem. Pologne et Ruthénie. Origines slaves. Paryż, 1861; Idem. Nécessité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples Aryas-Européens et Tourans. Paryż, 1864; Idem. Peuples Aryas et Tourans, agriculteurs et nomades. Paryż, 1864.*

²⁶ Впервые в униатской историографии эту теорию высказал в начале XVII в. Лев Кревза, и потом она всегда оставалась важнейшей чертой униатского взгляда на русскую историю (см. об

Стремясь доказать этническую чуждость "москалей" и русских, он стал доказывать, что "москальи" – вообще не славяне, а народ со смешанными кровями, среди которых преобладала финская (т.е., по его понятиям, кровь кочевых неиндоевропейских народов), которая была также сильно разбавлена опять же туранским татаро-монгольским элементом. Более того, сами "москальи" виделись как народ кочевой, доказательства чему Ф. Духинский находил и в современной жизни России, утверждая, что "они останутся кочевниками навсегда", ведь такова их расовая природа. Польско-русское противостояние он рассматривал как конфликт двух рас – земледельцев арийцев и кочевников-туранцев. Естественная граница между туранцами и арийцами была обозначена по рекам Днепр, Двина и "речкам Финляндии". В этом плане днепровское Левобережье виделось всё же туранским. Понятно, что туранцами объявлялись и казаки, чья расовая близость с "москалями" и естественная для туранцев агрессивность и были причиной многих бед Польши. Эта же граница понималась и как разделительная линия между европейской цивилизацией и Азией – Востоком, воспринимаемым как нечто извечно враждебное Европе.

Также актуализировалось старое польское представление о поляках как о "форпосте христианства на Востоке": московиты вследствие своей туранской природы исказили христианскую веру, впад в схизму, а значит, христианами не являются. Противостояние Московии и Польши – это, соответственно, и есть конфликт

этом: *Неменский О. Б.* История Руси в "Палинодии" Захарии Копыстенского и "Обороне унии" Льва Кревзвы / *О. Б. Неменский // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин / під ред. В. А. Смолія.* Київ, 2003. С. 409–434).

христианства с "поганскими" народами на Востоке. Московское царство, по утверждению Ф. Духинского, не является наследником Киевской Руси и никакого отношения к нему не имело. Россия правит Малороссией вследствие её завоевания, которое произошло в 1708 г. в результате Полтавской битвы. За великорусами он оставлял только наименование "москалей", противопоставляя их "русским", традиционно жившим с поляками. При этом он писал, что наименование "Россия" было украдено "москалями" у "русских", узурпировано при Петре I. Так же был украден и язык, который ему представлялся заимствованным и изрядно подпорченным церковнославянским.

Вся история русско-московских (а значит, и польско-московских) отношений описывалась лишь как история постоянной конфронтации. При этом сама эта конфронтация виделась священной борьбой европейской цивилизации христиан-арийцев с варварским туранским Востоком, а потому ей придавался мессианский смысл. Ф. Духинский мечтал видеть Европу единой (федерацией во главе с Францией) и как единое целое, воюющей с туранской Москвой. Он призывал: "На Днепр! На Днепр! В Киев! О, народы Европы! Там ваше согласие, ведь именно там малороссы ведут борьбу против Москвы, защищая свою европейскую цивилизацию". Так, древняя идея об избранничестве польского народа переводилась со старого религиозного языка на понятия современной и всё более модной тогда расовой теории.

Идеи Ф. Духинского довольно быстро приобретали популярность, особенно в среде правобережного польского дворянства. Он также старался максимально распространить эти идеи в украинофильской среде,

активно публикуя свои статьи в соответствующих журналах. Вскоре они стали активно распространяться и на Западе: уже в 60-е гг. XIX в. во Франции их отстаивал целый ряд известных учёных – Анри Мартен, Огюст Викенель, Казимир Делямар и др. Позднее они вошли в глубокую традицию крайне правых идейных течений в Польше, а также стали важнейшей основой для взгляда на русское пространство теоретиков немецкого нацизма. Тогда же "туранской природой москалей" нередко объясняли и "русский коммунизм". Но главное, труды Ф. Духинского – классика русофобской мысли – легли в основу идеологии украинства. Историк передал украинскому движению польскую опцию Руси в виде цельной теории. Её конкретные весьма абсурдные черты могли быть потом по большей части отброшены, но сама опция сохранилась. Этому способствовала и вся польская интеллигенция, имевшая в XIX в. огромное влияние (а то и преобладание) в интеллектуальном поле Юго-Западной Руси – как в российской, так и в австрийской её частях. В конце XIX – начале XX в. видный историк М. Грушевский смог создать синтез истории Юго-Западной Руси на основе украинской идеологии.

Национальной идеей, под которую украинской "партией" создавался новый народ, была русофобия, т.е. отрицание русскости и борьба с нею. Главная забота "самостийников" – доказать отличие украинца от русского, украинского языка от русского, украинской истории от русской и т.п. В Буковине примерно с 1911 г. от русских богословов, кончавших семинарию, стали требовать письменного обязательства: "Заявляю, что отрекаюсь

от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, лишь украинцем и только украинцем"²⁷.

Украинизация – это и есть дерусификация, в этом её смысл и назначение. Это идеология отрицания русскости и уничтожения её везде – и в прошлом, и в настоящем, и на любых территориях. Но в рамках украинской идеологии любые попытки сохранить русскую культуру Руси обозначаются как "русификация", так как прежняя историческая русскость начисто отрицается. Так, главной бедой древней Русской земли была объявлена "русификаторская политика Москвы".

Психологический смысл украинской русофобии прекрасно описывал Н. Трубецкой: "Эти же люди... постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придётся ещё внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь. Ибо если украинцы не будут *ненавидеть* всё русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры. Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики, и притом плохой, злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики. И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных

²⁷ Щёголев С. Н. Указ. соч. С. 477.

ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями. Поэтому в этой культуре всё – наука, литература, искусство, философия и т.п. – не будет самоценно, а будет тенденциозно.

Политиканам же нужно будет главным образом одно – как можно скорей создать свою украинскую культуру, всё равно какую, только чтобы не была похожа на русскую²⁸.

Украинство является прямым логическим продолжением русофобской идеологии, только в местном приложении и в форме национализма. Благодаря этому украинство несёт в себе все основные идеологемы русофобии – неславянское происхождение "москалей", отрицание исторического и этнического единства Руси, противопоставление украинцев россиянам с наделением последних всеми возможными негативными характеристиками, утверждение злой природы российской государственности как извечно агрессивной и жестокой и т.п. Тотальное отрицание русскости неминуемо привело к появлению идеологий, предлагающих русским людям отказ от русской идентичности и традиции в пользу нового суррогата, имеющего радикально прозападные основания.

Русская русофобия

Теме русской русофобии была посвящена известная цитата из письма Ф. Тютчева дочери (1867 г.)²⁹, которая является самым ранним дошедшим до нас случаем

²⁸ Трубецкой Н. С. К украинской проблеме // Наследие Чингисхана / Н. С. Трубецкой. М., 1999. С. 427.

²⁹ Ф. И. Тютчев "Письмо к дочери Анне от 26 сентября 1867 г."

употребления слова "русофобия". "Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего всё более патологический характер. Это *русофобия* некоторых русских людей – кстати, весьма почитаемых. Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д., и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того как Россия, добываясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили у них пристрастия к ней".

Есть неплохое слово для обозначения таких взглядов – самоненавистничество. Журналист Т. Керби даже считает возможным говорить о существовании в России особой "религии самоненависти": "Чем больше я живу в России, тем больше вижу, что никто так не ненавидит свой собственный народ, как русские". "Факты ничего не значат для тех русских, которые ненавидят сами себя, – они являются членами Церкви этнической неполноценности"³⁰. Очень точное наблюдение – в этом явлении есть что-то религиозное, его можно признать своеобразной формой верования. Оно ещё в первой половине XIX в. стало обсуждаемым в русском обществе – появились и активно заявляющие о себе самоненавистники, и их критики.

---

³⁰ Керби Т. Религия самоненависти / Тим Керби // Росбалт : информ. агентство. 2012. 18 июля. URL: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/07/18/1012601.html> (дата обращения: 01.06.2014).

В. Печёрин, прототип лермонтовского Печорина, написал тогда по-своему очень талантливые стихи:

Как сладостно отчизну ненавидеть,
И жадно ждать её уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

А. Пушкин писал:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел.
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Здесь А. Пушкин подчеркнул главнейшее свойство русского самоненавистничества – "нежная любовь" к другим народам. То есть ненависть к своему напрямую связана и обусловлена прямо обратным отношением к чужому, что можно признать весьма своеобразным психологическим состоянием. Не удивительно, что это свойство обыкновенно характерно для людей, считающих себя "западниками". Я бы даже употребил слово "западоверующие", так как на деле речь в таких случаях идёт не о рациональной ориентации на западный исторический и культурный опыт, а на некую мечту о Западе, на тот образ идеального Запада, который выработался в русской послепетровской культуре.

Русская русофобия – это, конечно, специфически местное явление, но она напрямую связана с русофобией западной и является её прямым перенятием. Именно по мере восприятия русофобских идей российской интеллектуальной средой формируется самоненавистничество. Со времени активного проникновения польской культуры в высшие слои русского общества (вторая

половина XVII в.), а потом и петровских практик отправления дворянских детей учиться на Запад, в России сложился необычный тип русского культурного человека, как бы отчуждённого от своей культуры в пользу западной. Это своеобразное двукультурное мышление, в котором две традиции и две цивилизационные идентичности сочетаются в неизбежном конфликте. Это ситуация "внутренней колонизации", когда человек сочетает в себе и самомнение колонизатора (западного человека, смотрящего на "восточную" культуру), и самосознание аборигена, т.е. того, на кого и направлены колонизаторские практики.

Кроме того, западный взгляд на Россию, несущий в себе немало русофобских идеологем, во многом вошёл в нашу же традицию и стал от неё неотделим. Например, господствующие версии истории России нередко оказываются неприемлемы для русских людей исходя из их же русских культурных ценностей. Талантливый историк может сделать вывод о необходимости создания иных трактовок и иных моделей. Но самый лёгкий и вполне естественный ход мысли – просто возненавидеть свою историю.

Нередко открыто русофобская позиция в России связана и с принятием какой-то западной идеологии, отождествление с которой становится для человека приоритетным. Здесь можно привести в пример и нередкие случаи российских либералов, и российских нацистов, и российских коммунистов. Так, В. Ленин делал типичные для такой формы мысли заявления: "Я должен решительно протестовать против того, чтобы цивилизованные западноевропейцы подражали методам полуварваров русских". В воспоминаниях Г. Соломона содержится рассказ

о словах "вождя пролетариата": "Дело не в России, на неё, господа хорошие, мне наплевать, и это только этап, через который мы проходим к мировой революции"³¹. Ещё более резким был Л. Троцкий, правда, в отличие от Ленина, ему никогда не была свойственна русская идентичность.

Положение людей, живущих в России, но по тем или иным причинам не разделяющих русскую идентичность, в данном случае гораздо проще: они могут делать русофобские заявления, не обращая их на себя. И тем не менее, живя в русском окружении, они оказывают на него немалое влияние. В конечном счёте многие приходят к чему-то, подобному восклицанию А. Герцена, сделанному во время польского восстания: "Стыдно быть русским!"

Русская русофобия ничуть не слабее западной. Напротив, часто она её превосходит или же достигает её крайних форм, в том числе расистских. Известны слова академика С. Веселовского: "Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса"³².

Все случаи русской русофобии довольно точно воспроизводят основные идеологемы и саму логику западной идеологии. Возьмём, например, интервью известного режиссёра А. Кончаловского одной польской газете³³.

³¹ Соломон Г. А. Среди красных вождей / Г. А. Соломон. Париж, 1930. Т. 1. С. 15.

³² См.: Веселовский С. Б. Из старых тетрадей / С. Б. Веселовский. М. : Аиро-XX, 2004. 93 с.

³³ На Востоке без изменений ("Gazeta Studencka", Польша) : Беседа с режиссёром Андреем Кончаловским // ИноСМИ: интернет-сайт. 2004. 29 октября. URL: <http://www.inosmi.ru/panorama/20041029/214206.html> (дата обращения: 01.06.2014).

Разговор шёл о России и русских. Основной тезис – русским не нужна свобода.

"Gazeta Studencka: Когда-то Виктор Ерофеев написал, что русские – это народ с ментальностью рабов...

Кончаловский: Конечно, так и есть. Это рабство проявляется в способе мышления и восприятия мира. Русскими всегда кто-то должен руководить. Он должен сказать им, что делать. Десять лет свободы уничтожили Россию. Русские так и не воспользовались ею для создания чего-то положительного. Русские очень плохо работают, не платят налогов, выбрасывают своих детей на улицу. Таких детей в России миллионы!.. Свобода – это всего лишь философское понятие западной цивилизации. В Индии, Китае или в исламском мире свободы не существует. У этих людей есть обязанности по отношению к Богу, семье, обществу. Они мыслят иначе... Русским, так же как мусульманам, не нужна свобода. И не следует им "помогать", потому что это только ведёт к несчастью".

Из утверждения добровольно рабского характера русских следуют их основные негативные характеристики. Они жестоки и мазохистски наслаждаются своим несчастьем: "Жестокость – это русские. Русская культура очень жестока... Русские несчастливы, потому что любят быть несчастными. Русским нравится быть несчастными и бедными. И им нравятся несчастные и бедные люди. Если кто-то здоров, богат и счастлив, русские его ненавидят... Русским никто ничего не навязывает. Они сами навязывают себе такой, а не иной образ жизни".

Далее режиссёр заявляет, что русские – все ксенофобы, а также ленивы и склонны к пьянству: "Русских вообще отличает определённая ксенофобия. Не только по отношению к чеченцам, но и к грузинам, узбекам, таджикам, всем, кто не русские. Это понятно – ведь они забирают у русских работу, не пьют, а работают. А русские предпочитают иметь свою водку и быть освобождёнными от

каких-либо обязательств. Это несчастная ситуация. Но такова правда... Пьяные работают в поле. Лучшим решением было бы помочь им перестать пить".

Русофобская идеология, воспринятая в России, иногда может и перерасти ту идеологию, через которую сюда пришла. К примеру, либерал В. Новодворская легко переставала быть либеральной, когда речь заходила о России и русских. Так, она выступала за поражение русских в правах, и даже в форме апартеида: "Жалкие, несостоятельные в духовном плане, трусливые спят у параша и никаких прав не имеют. Если таким давать права, понизится общий уровень человечества. Так что апартеид – это правда, а какие-то всеобщие права человека – ложь. Русские в Эстонии и Латвии доказали своим нытьём, своей лингвистической бездарностью, своей тягой назад в СССР, своим пристрастием к красным флагам, что их нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у параша и правильно сделали. А когда Нарва требует себе автономии, для меня это равносильно требованию лагерных "петухов" дать им самоуправление"³⁴. Такой подход основан на традиционных русофобских тезисах: Россия – "страна, которая является тормозом всего разумного, доброго, вечного"; "народа нет, есть рабы"; "ничего русского нету, вся культура ворованная" и т.п.

Русофобские заявления в современной России нередко прямо повторяют западные, и эти совпадения не случайны. Вот, например, сатирик М. Жванецкий говорит в телепередаче: "Моя мечта – разровнять место, где была Россия, и построить что-то новое. Вот просто разровнять!..

³⁴ *Новодворская В.* Не отдадим наше право налево! / Валерия Новодворская // Газета "Новый взгляд". 1993. 28 августа. № 46.

Разровнять и построить страну, сильную Россию – разную, весёлую". И вот классик западной русофобии А. де Кюстин: "Я не устаю повторять: чтобы вывести здешний народ из ничтожества, требуется всё уничтожить и пересоздать заново"³⁵. Собственно, под тем же лозунгом большевики уничтожали целые социальные слои и сносили церкви.

Яркий тип русского либерала-западника нарисован Ф. Достоевским в образе отцеубийцы Павла Смердякова. "Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки". Тут очень хорошо подчёркнуто, что любовь к Западу является следствием ненависти к России, т.е. любовь к Иному происходит из изначального состояния ненависти к Своему, поэтому Запад и становится сколь угодно идеален. Западник самоотчуждается от русскости. И здесь уже не важно, от чего именно. Как описал это Ф. Достоевский, они "ненавидят Россию, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом – за всё, за всё ненавидят"³⁶.

Известный своими крайне русофобскими текстами наш современник Б. Стомахин очень ярко отреагировал на образ Смердякова: "Про Достоевского нечего и говорить. Гнусный, омерзительный, похотливый старик-папаша и достойные сыновья – пьяница-буян, святоша-лицемер и "философ", под конец сходящий с ума, – таковы

³⁵ Астольф де Кюстин "Россия в 1839 году. Письмо семнадцатое".

³⁶ Ф. М. Достоевский "Дневник писателя", 1877 г.

дорогие сердцу автора и его истинно русских читателей персонажи "Братьев Карамазовых". В мелком и пошлом детективе – папаша убит, и под подозрением все братья, которые отца ненавидели, – раскрывается вся суть убогой и пьяной душонки "народа-богоносца". Но нарочито грязным, гнусным, отвратительным, к тому же сыном убогой и умственно отсталой потаскухи, в романе сознательно выведен лакей, говорящий правду. Ту правду, что ненавистна и автору, и большинству его читателей. Даже фамилия дана ему специально такая выразительная, нарочито отталкивающая – Смердяков. Что же вложил автор в уста этого карикатурно-омерзительного персонажа?.. "Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна". И, ей-богу, есть за что!.. 1612, 1812, 1945... Цепь позорных рабских "побед", праздники защитников и пропагандистов "своего", кондового рабства и холопства, правнуков тех, кто отстоял-таки своё рабство от западной свободы..."³⁷

Опять же, тексты Б. Стомахина дают прекрасный набор чистой подборки русофобских аргументов. Это именно русская русофобия, так как независимо от идентичности автора он пишет это на русском языке и в контексте русской культуры. Россия, согласно его утверждениям, – страна преступная, прошлое у неё жуткое, ей надо начать жить с чистого листа, но она на это просто не способна, так как погрязла в зле и лишилась человеческого облика, а потому и вообще не должна существовать: "Собственно, конечно, говорить русским о преступлениях их империи, их же собственных дедов и прадедов и призывать их

³⁷ *Стомахин Б.* Бородинская годовщина как зеркало русского рабства / Борис Стомахин // LJ.Rossia.org : интернет-сайт. 2012. 7 апреля. URL: <http://lj.rossia.org/users/stomahin/74064.html> (дата обращения: 01.06.2014).

покаяться, отринуть это вековое зло, зачеркнуть 1000 лет жуткого прошлого России и начать жить с чистого листа – бесперспективно. Они слишком закоснели во зле – не говоря уж, что просто-напросто спились, пропили последние остатки мозгов, какие ещё были. Есть власть, состоящая из преступников в форме и погонах... и есть больше 100 миллионов пьяной и бессмысленной биомассы. Вот, собственно, кто и населяет на 99 % Россию... Да и вообще, оправдывать существование на свете России могут только законченные подонки"³⁸. Беда её, конечно, в православии: "Возможно ли "оскорбить православие" вообще? Нет, невозможно, потому что про эту гнусную религию рабов какое ругательное слово ни скажи – всё будет правдой"³⁹.

Возьмём статью Б. Стомахина "Мысли вслух". Русским отказано в человеческом статусе, ведь он несовместим с ужасами русской истории, с тиранической властью властителей: "Не существует в природе никаких "русских националистов". Почему? Да потому, что животные не имеют национальности. Русское быдло, тёмное, пьяное, тупое. Свиньи, скот, мразь, говно. Не люди, нет. Недочеловеки. Людьями эти отбросы человечества именоваться недостойны. И вот именно такими населена вся Россия... Россия – это мразь. Её полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире... Или все диктатуры и тирании, существующие тут веками, не на это самое население опирались, не из него, не из его

---

³⁸ Лехохождение // LJ.Rossia.org : интернет-сайт. 2012. 15 мая. URL: <http://lj.rossia.org/users/stomahin/77803.html> (дата обращения: 01.06.2014).

³⁹ Борис Стомахин's Journal // LJ.Rossia.org : интернет-сайт. URL: <http://lj.rossia.org/users/stomahin/> (дата обращения: 01.06.2014).

генетического рабства и стадных инстинктов вырастали?" Русские предстают как "стадо рабов", которое "маскирует своё азиатское изуверство". Тема Азии тут всплывает неизбежно, ведь как Запад не может быть без Востока, свет без тьмы, так и Европы не может быть без её антипода – Азии. "Азиатскость" России в этой логике – клеймо на ней как недостойной быть Европой. И отсюда вопль: "Грязная, мерзкая сраная Рашка! Когда же ты, наконец, сдохнешь?"⁴⁰

Русская русофобия, как и западная, обязательно имеет если не в качестве осмысленной цели, то хотя бы просто тягу к уничтожению России, ведь это просто логично следует из всей системы идей. "ВСЯ эта страна, тотально, со всем, ЧТО в ней есть, – должна быть уничтожена, стёрта с лица земли, проклята и забыта навеки. За все прежние и нынешние кровавые убийства, за миллионы и миллионы казнённых, замученных, убитых, заморенных голодом, и за украинский Голодомор, и за чеченской геноцид, и за нынешний полицейский террор путинщины, за девочек-певиц из "Pussy Riot", и за аресты по "делу 6-го мая", за всё, за всё это – Россия должна быть просто уничтожена тотально, с воздуха, до состояния выжженной пустыни!.." ⁴¹

Как говорит журналист В. Панюшкин: "Всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо

---

⁴⁰ Стомахин Б. Мысли вслух / Борис Стомахин // Борис Стомахин : перс. интернет-сайт. URL: http://stomahin.info/articl/mysli_vsluh.htm (дата обращения: 01.06.2014).

⁴¹ Стомахин Б. Мразь Россия / Борис Стомахин // Борис Стомахин : персон. интернет-сайт. URL: http://stomahin.info/articl/mraz_russia.htm (дата обращения: 01.06.2014).

было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие воды, хантов или аварцев". Российская русофобия чаще всего выражается просто в констатации своих негативных чувств, но постоянно подходит к требованию уничтожения России.

Русофобская информация стала частью самосознания и информационной среды современных русских. Она нам привычна, мы даже знаем её логику и аргументы гораздо лучше, чем обратные. Более того, мы знаем о крайне негативном восприятии нас на Западе, пусть обыкновенно и "за глаза". В результате можно констатировать, что современному русскому самосознанию свойственно сильное чувство затравленности. Нет, русские не так уж часто сталкиваются с открытыми проявлениями русофобии. Однако оно постоянно присутствует как ощущение. Очень точно охарактеризовал этот взгляд русофоба Ю. Кублановский: "Средний гуманитарный либерал испытывает к России настороженную брезгливую антипатию"⁴². Вот это и создаёт очень агрессивную и в целом удручающую психологическую обстановку.

У русских сейчас нет господствующего позитивного самообраза, что делает их сильно зависимыми от внешних оценок. Соответственно, возникает и болезненная зависимость от русофобских отзывов со стороны. Известный историк А. Фурсов называет русофобию "психоисторическим оружием". То есть русофобия оборачивается на практике травлей. Простой, будничной и довольно

---

⁴² Кублановский Ю. Русофобия / Юрий Кублановский ; вёл беседу Сергей Александров // Журнальный зал : интернет-сайт. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2012/10/k25-pr.html> (дата обращения: 01.06.2014).

спокойной, но создающей социально-культурную атмосферу и очень сильно влияющую на самосознание носителей русской культуры, даже если они находят способы отказаться от русской идентичности. Русских убеждают в том, что Запад – это норма, а они – отклонение от нормы, поэтому должны учиться и подражать Западу, преодолевать свою природу, свою материнскую культуру. А это заранее проигрышное положение.

Не случайно от иностранцев можно теперь слышать удивлённые комментарии, что русские – это народ, лишённый национальной гордости. Это имеет и прямые политические последствия. Интересные в этом плане рассуждения о политике российских зарубежных представительств даёт русский житель Словакии, известный журналист С. Хелемендик: "Я много лет искал ответ на вопрос, почему представители российской власти так настороженны и даже холодны к многочисленным в Словакии и других странах Европы русофилам, людям, испытывающим симпатии или даже любовь к России и русским. Мой ответ таков: европейское русофильство в принципе непонятно русским и особенно высокопоставленным представителям государства российского за его границами по простой причине – им самим незнакомо это чувство. То есть русские чиновники за границей, призванные принять в дружеские объятия растроганных "чужих" русофилов, сами русофилами не являются... Если же говорить совсем просто, то большинство русских искренне не понимают, за что их кто-то может любить, и к русофилам относятся настороженно, подозревают подвох, а поверив в искренность, могут принять возвышенных

русофилов за восторженных дурачков"⁴³. Это очень ценное наблюдение, характеризующее психическое состояние тех, кто является "представителями России".

А это, кстати, в иных, менее формализованных формах иногда случается почти со всеми. Мы все хорошо усвоили, что "в западном обществе Россия отнюдь не воспринимается как "нормальная страна"⁴⁴. Прежняя ситуация, когда русские ужасались проявлениям русофобии на Западе, сменилась новой, когда русские заранее уверены в том, что весь Запад (а может, и не только Запад) настроен русофобски. Да и сами нередко с ним солидаризируются. Вообще, для России это уже стало системой, причём не только во внешней, но и во внутренней политике: она привыкла не платить русофилам (в том числе не поддерживать русских патриотов), а подкупать русофобов (а то и просто откупаться от них). Тактика, вряд ли обещающая успешные результаты.

В итоге общая форма взаимоотношений, которая навязывается такой стране, сводится к формуле "платить и каяться". Тем более опасно такое положение, что оно не имеет ответных заслонов со стороны русских. Современному русскому народу вообще в очень малой степени свойственны какие-либо этнические фобии, но ещё в меньшей степени – приписываемая ему по логике русофобии ненависть к Западу – скорее всё совсем наоборот. В результате мы имеем крайне неравное положение,

---

⁴³ Сергей Хелемендик: без России весь мир сирота // Chelemendik.ru : интернет-сайт. 2008. 17 августа. URL: <http://www.chelemendik.ru/ShowDoc.php?d=244> (дата обращения: 01.06.2014).

⁴⁴ Скиннер Дж. Россия и её восприятие Западом в XX веке / Джеральд Скиннер // Русский сборник. 2010. Т. 9. С. 21.

провоцирующее не только психологический дискомфорт, но и опасные политические последствия.

* *
*

Русофобская идеология – это явление, которое требует тщательного осмысления и активной борьбы. Необходимо проводить глубокое изучение его источников, характера, проявлений и последствий. Сейчас, кстати, уже на широком народном уровне идёт очень плодотворное осмысление её штампов. Народ осваивает внешние стереотипы о себе и научается с ними играть, преодолевая их в юмористической форме, а заодно и с помощью более глубокого самопознания. Однако то, что существует на народном уровне, должно иметь соответствие и в серьёзной государственной политике, в деятельности крупных общественных организаций.

Россия должна продумать стратегию своего присутствия в западном информационном пространстве, сформировать систему своих каналов влияния, тактику работы с русофобией. Давно назрела идея создания русской Антидиффамационной лиги (подобной той, какая существует у евреев). Практика борьбы с антисемитизмом, зарекомендовавшая себя как очень успешная, показывает и образцы работы с русофобией.

Нужны специальные научные организации, занимающиеся мониторингом и изучением русофобии (опять же можно привести в пример еврейские Институт Стефана Рота или Центр Симона Визенталя). Такие учреждения могли бы отслеживать информационную активность русофобов, разоблачать их заявления.

Необходимо проводить и открытую международную борьбу с русофобией. Требуется добиться осуждения русофобии на международном уровне. После Второй мировой войны был осуждён антисемитизм, а русофобия – нет, хотя русских тогда пострадало никак не меньше, да и идеологические основы для уничтожения русского населения в Третьем рейхе были весьма основательными. Но проблема была не только политической – у нас не было самого концепта русофобии как идеологии.

Работа с соотечественниками за рубежом должна касаться и русской правозащиты. В Европе и США практически нет русского лобби, и потому ни у кого нет и потребности проводить самоцензуру своих русофобских высказываний.

Нужна правовая оценка любых актов русофобии, что возможно лишь при достаточном уровне изученности темы и формализации критериев. Необходимо также ввести определение русофобии в законодательство России, обеспечить защиту населения от её проявлений. Противостояние русофобии может стать частью национальной идеологии.

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на журнал
"Проблемы национальной стратегии"

Подписка осуществляется всеми отделениями связи

Индекс журнала в каталоге агентства "Роспечать" – **46145**,
в каталоге "Почта России" Межрегионального агентства подписки – **35625**

Приобрести журнал, а также другие издания РИСИ можно
по адресу: г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б

Телефоны для справок: **8 (499) 747-93-38** (Книжная лавка)
8 (499) 747-93-35

Сайт в Интернете: **http://www.riss.ru**

Адрес эл. почты: **journal@riss.ru**

Неменский Олег Борисович

Русофобия

Аналитические обзоры РИСИ

Выпуск 5

Редактор *И. И. Гейвандова*
Технический редактор *Ж. В. Логунова*
Корректоры *Е. А. Сасова, А. А. Родионова*
Компьютерная вёрстка *Г. И. Бабанова, Е. Ю. Дунаева*
Художественное оформление *Е. А. Струкова*

Сдано в набор 08.07.2014. Подписано в печать 22.10.2014.
Формат 60×84/16. Бумага офисная. Гарнитура "Minion Pro".

Цифровая печать. Уч.-изд. л. 1,8. Физ. печ. л. 12.

Тираж 300 экз. Заказ № 25/14.

Оригинал-макет подготовлен федеральным государственным научным бюджетным
учреждением "Российский институт стратегических исследований".

Отпечатано в типографии РИСИ.

125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.